

Хорошо

темперированный клавир

В кунсткамере Алексея Балабанова

Это так же, как в прозе. В каком-то произведении коллеги или ученика что-то возникает: слышатся некие голоса и отзвуки, пытаешься что-то сформулировать, откладываешь в тайники памяти, слабые импульсы стираются. Но вот через несколько лет возникает новое сочинение, в твоей душе вдруг появляется резонанс — нет, надо немедленно перечитать. И уже это "двойное" произведение складывается в общую картину — кстати, это первейший признак искусства.

В кино — так же, как в литературе. Ясно понял это после просмотра последней картины Алексея Балабанова "Про уродов и людей".

Хорошо помню свои собственные сомнения и нашу силовую возню в жюри Гатчинского фестиваля "Литература и кино". Был, казалось бы, беспорный лидер — фильм Одесской студии "Хромые внидут первыми". И были еще прекрасные фильмы, в том числе "Замок" Балабанова, сделанный по роману Франца Кафки. Я вообще не люблю приобщенности молодой режиссуры к бесспорным и более всего модным произведениям. Тогда "Замок" получил какой-то "утешительный" приз — прелестный гарнитур мягкой мебели от спонсоров (сегодня это, конечно, выглядит, быть может, наивно, но первая Гатчина делалась на ишие деньги).

Ах, как долго мерещились мне потом удивительные кадры из "Замка". Снега, огни, факелы, фонари, таинственные приборы, через которые ведутся переговоры и отдаются указания. Замок глух, но дело его живо. Потом в титрах я прочел, что таинственные "приборы" взяты из какого-то ленинградского музея. Боже мой, но почему же так не по-романному, а так по-кинематографически вошла в меня эта история Кафки про приехавшего в Замок Землемера! Какая удивительная переключка с прошлой, да и нынешней системой бюрократии, как чудовищен и непредсказуем ее облик! Снег, фонари, замок на горе, космическая пустота — пустота отливка.

В балабановском "Брате", предпоследней работе кинорежиссера, через весь фильм проходят кадры идущего трамвая. Это тоже некое техническое приспособление, "прибор". Я даже боюсь, что здесь сказывается определенная страсть Балабанова к музею — не оттуда ли, из какого-нибудь музея трамвайного дела, это сооружение? Эдакий мостовой кран, поставленный на колеса, металлическая рамка, в которую и через которую вползают в фильм пейзажи города. Но "Брат" — это уже мой волевой просмотр фильма. Помните, в самом начале статьи я писал, как неясные отблески одного произведения заставляют со вниманием отнестись к предыдущему.

Сначала в мою жизнь вплыли уроды. В Доме Ханжонкова, под непримечливой и для кино, и вообще для искусства рубрикой "Скандальное кино 1998 года" идут хорошие картины, по милости устроителей этого специфического кинофестиваля названные скандальными. Искусство — по большому счету всегда скандал, таковыми были "Братья Карамазовы", "Идиот", "Анна Каренина". Потому что искусство — всегда разрушение привычных стереотипов. "Камень", брошенный в "зеркало" пруда. Это уже скорее о "Брате".

Скандальность балабановского фильма, скандальность его картины "Про уродов и людей" заключается лишь в том, что дамочкам от искусства, не владеющим ни эстетикой, ни социологией начала века, может показаться, что это порнографическое произведение. Но кого сейчас удивишь женской по-

кой (или девичьей), по которой в кинематографическом или фотоисполнении гуляет лоза?

Респектабельная интеллигентско-буржуазная семья, а то и две семьи, в которой невинная молоденькая барышня снимается в порноисториях начала века, а по-деревенски чистая горничная любит рассматривать порноснимки. Оборочки, панталончики, кружавчики, подвязки. Оборочки поменялись, человеческая плоть все так же пахнет соблазнами человеческой жизни. В этом фильме много еще других страстей и примет времени, взятых Балабановым и из малохудожественной литературы начала века, и из вполне художественной. Ох, как не люблю я кинематографистов, пишущих сценарии! Как невероятно от этого проигрывают их даже очень неплохие ленты! Балабанов в этом смысле исключение. Боюсь и не хочу произносить слово "гений" и даже ничего не значащее — "выдающийся", но кланусь Балабанову кое-что позволено. Это особый талант — запечатывать примитивные литературные прописи в неповторимые картины. Лучше один раз увидеть.

Эти картины сталкиваются, сопоставляются. Поддерживают или разрушают одна другую — здесь, как в большой прозе или в большом кинематографе, идет постоянная работа ума зрителя. И без этого самого хорошо работающего, как "хорошо темперированный клавир", зрителя Балабанова не существует.

Поют сямские близнецы с родными казахскими лицами, поют русские романсы. Насилуют в этих интеллигентных семьях незрячую учительницу пения. Служанке отходит состояние дочери ее любовника и барина. Играют на фортепианах в возвышенную жизнь, слушают волшебные диски с сямских близнецов не без эротического блеска в глазах мужчины в машиках и фраках. Вполне респектабельные уроды, нормальные и духовно возвышенные калеки — таковы приметы жизни.

Все это в балабановской интерпретации сливается, мерцает, выстраивается в логически законченную систему, приобретает жгучий зрительский интерес. Не забудем, что схемы эти, так сказать,

окинематографичены прекрасными актерами, среди которых выделяются Маковецкий, Друкарова, Сухоруков и другие.

А за окном квартиры, в которой происходит действие, ходит паровоз начала века. С тендером, в котором вместе с углем сложена и поленица дров. Водопроводный рукав льет в котел воду. Приходит, уходит по мокрым рельсам. Капли дождя на стеклах окон квартиры, иная жизнь. Летит ли вперед наш паровоз, не летит. Почему-то все это кажется не просто взятым из железнодорожного музея локомотива, а неким символом. Почему, интересно, из окон интеллигентской квартиры, в которой поют романсы и в стопке чистого белья прячут порноснимки, почему из окон этой квартиры Балабанов решил рассмотреть нравственные истоки и гносеологию революционных процессов начала века?

Вот так и получается, что в последней картине Балабанова единственные люди — это как раз уроды, то есть близнецы, усыновленные доктором, после его смерти уезжающие искать своего истинного отца. А настоящие уроды и есть все остальные члены респектабельных семейств.

Не буду полемизировать, хотя и не согласен, ни с теми, кто считает прекрасным фильм "Брат" чернухой, ни с теми, кто полагает, что здесь Балабанов потерял свой изысканно-элитарный стиль. Большой художник до старости ничего не теряет, если, конечно, он большой и художник. Его душа просто говорит разными своими сторонами и с разными людьми. А что касается черной стороны жизни, изборожденной в фильме, то, как сказал поэт Костров, жизнь такова, какова она есть, и больше не какова.

В "Брате" мы имеем дело с героем наших дней. Как уважаемый господин Печорин не от барского переедания лез под чеченские пули и пускался в сомнительные любовные истории в самом скверном городишке на юге России, так и не от желания получить лишнее, идут подчас наши мальчишки, испытавшие Афган и Чечню, в не самые хорошие профессии. Ищут часто хлеба. А лишнее приходит потом.

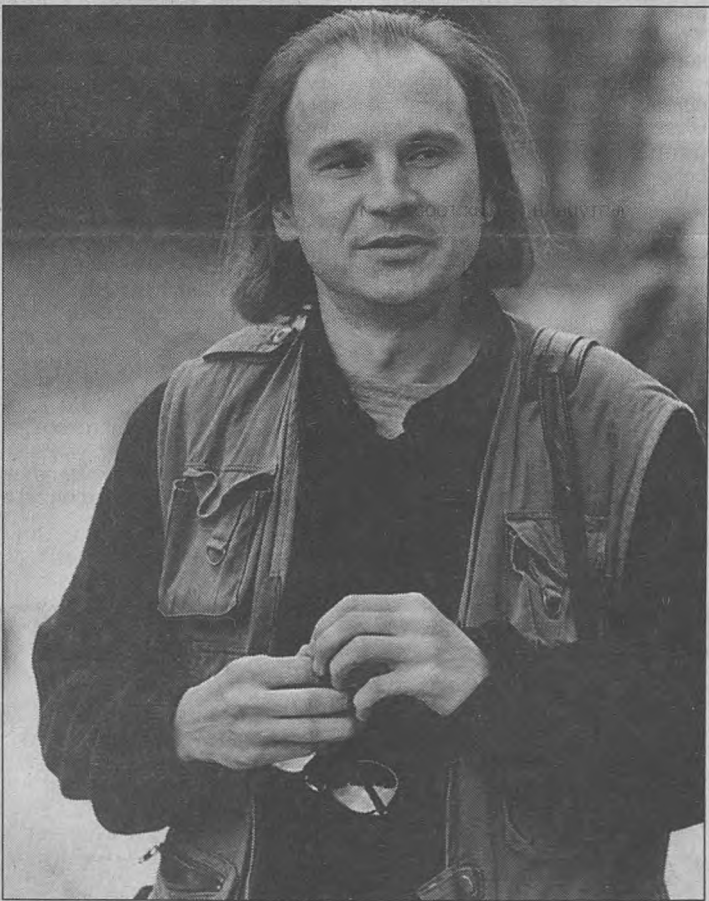

Фото Н. САМОЙЛОВА

Такой он, А. Балабанов

Здесь можно рассуждать о крепости вечных моральных устоев. А можно по-марксистски порассуждать и о среде. Для этих моральных устоев нужны семья, церковь или какая-либо вера, надежда на завтрашний день и надежда если не на хлеб завтра, то хотя бы на подаяние сегодня. Неплохой парень этот Багров, внезапно оказавшийся киллером. Хороший, чистый, нашедший все духовные горизонты лишь в одном — в кантиленах "Наутилуса Помпилиуса". Можно, конечно, порассуждать и об этом. И поохать. Но задача искусства — не разрешать вопросы, а их ставить. А разрешает их жизнь. Что там разглядеть в ней еще Алексей Балабанов?

Сергей ЕСИН

Кадр из фильма "Про уродов и людей". Все те же вагончики